

DOI: 10.37791/2687-0657-2024-18-1-6-28

Задачи и возможности конкурентной политики в России в условиях деглобализации

С. Б. Авдашева^{1*}

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

* avdash@hse.ru

Аннотация. Статья посвящена происходящим и планируемым изменениям конкурентной политики Российской Федерации. Для того чтобы оттенить особенности конкурентной и антимонопольной политики в России, показано соотношение ее задач и инструментов с модельным представлением о конкурентной политике и практикой организации конкурентной политики за рубежом. Продемонстрированы две группы вызовов для конкурентной политики сегодня – деглобализация и санкционное давление и изменение структуры рынков под воздействием цифровых платформ. Тенденции развития на протяжении предшествующих тридцати лет объясняют характер ответа, которые конкурентная политика России дает на эти вызовы. Среди наиболее действенных инструментов конкурентной политики – снижение административной нагрузки на бизнес. Часть применения запретов на монопольно высокую цену на основе требований закона «О защите конкуренции» заменена более широкой политикой экспортных ограничений (экспортных тарифов и квот), ограничивающих перенос мировых цен на внутренний рынок. Антимонопольная политика в отношении цифровых платформ по большей части опирается на общие антимонопольные запреты, несмотря на сохраняющееся стремление разработать и принять специфические антимонопольные нормы для этой группы компаний. Острота проблем ограничения конкуренции цифровыми платформами смягчается благодаря полному или частичному уходу международных компаний с российского рынка и обострению соперничества за внимание пользователей со стороны национальных платформ.

Ключевые слова: конкуренция, регулирование, антимонопольное законодательство, монопольно высокая цена, цифровые платформы, деглобализация

Для цитирования: Авдашева С. Б. Задачи и возможности конкурентной политики в России в условиях деглобализации // Современная конкуренция. 2024. Т. 18. № 1. С. 6–28. DOI: 10.37791/2687-0657-2024-18-1-6-28

Targets and Prospects of the Russian Competition Policy under Deglobalization

S. Avdasheva^{1*}

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

* avdash@hse.ru

Abstract. The article explains the current and expected changes in the competition policy of the Russian Federation. In order to highlight the specific features of competition policy and antitrust enforcement in Russia, the article compares the objectives and instruments of the Russian enforcement with those under normative concept of competition policy and design of competition policy globally. Two challenges that Russian competition enforcement faces are international sanctions and deglobalization and restructuring of the markets under the impact of large digital platforms. History of competition policy development explains the response of competition policy on these challenges. Cut of administrative costs of business, amplifying the on-going reform of control and supervisory system in Russia, became probably the most effective competition-enhancing measure. Export restrictions in the form of quotas and tariffs partially replaces the enforcement against excessive pricing under the law “On protection of competition” aimed at the decreasing pass-through of commodity prices from international to the domestic markets. Competition enforcement towards digital platforms mostly uses the general provisions of the law “On protection of competition” in spite of the persistent desire to adopt the sector-specific antitrust provisions. Complete or partial exit of the international digital platforms from the Russian market (or at least from business in Russia) partially smooths the severity of the issue of monopolization in domestic market. The Russian digital platforms in particular segments still compete with the domestic as well as international rivals.

Keywords: competition, regulation, antitrust, excessive pricing, digital platforms, deglobalization

For citation: Avdasheva S. Targets and Prospects of the Russian Competition Policy under Deglobalization. *Sovremennaya konkurentsia*—Journal of Modern Competition, 2024, vol.18, no.1, pp.6-28 (in Russian). DOI: 10.37791/2687-0657-2024-18-1-6-28

Введение

Споры о задачах, возможностях, достижениях и недостатках конкурентной политики в России, будучи активными на протяжении тридцати лет, в 2022–2024 гг. несколько стихли. Но именно поэтому вопрос о задачах, которые должны ставиться перед конкурентной политикой, и их сопоставление с задачами, которые ставятся перед Федеральной антимонопольной службой РФ (далее – ФАС России), актуален. Именно это и является целью статьи. Прежде чем описывать текущие задачи, возможности и ограничения конкурентной политики, имеет смысл охарактеризовать

то положение, которое она заняла в России по итогам двадцати-тридцати лет развития. Напомним – первый антимонопольный закон «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности» был принят в 1991 году, в 2024 году мы празднуем двадцатилетие создания Федеральной антимонопольной службы РФ, которое сопровождалось разработкой и принятием закона «О защите конкуренции» в 2006 году. Чтобы ярче показать современное состояние российской конкурентной политики, сравним ее с состоянием идеальным («как в книжке»), современным состоянием мировой конкурентной политики, особенностями развития российской конкурентной политики до

2022 года. На этом фоне дадим предварительную оценку текущим изменениям конкурентной политики.

Книжный вариант конкурентной политики: напоминание

Конкурентная политика выполняет в экономике важную функцию, обеспечивая эффективное размещение ресурсов и сопровождающее это эффективное размещение благосостояние потребителей. Иное определение той же самой задачи – предотвращение потерь общества от монополии. Выделяют аллокативную неэффективность (потери от того, что монополист ограничивает объем выпуска по сравнению с бенчмарком первого наилучшего – first-best), производственную неэффективность (потери в результате того, что у монополиста слишком низкие стимулы к снижению затрат, поэтому он использует ресурсы неэффективно). В некоторых направлениях экономической теории признается существование распределительной неэффективности (из-за того что монополист производит меньше и продает дороже, благо получают те, для кого его предельная полезность невысока по сравнению с теми, кто это благо не получает). Неэффективность отраслей с недостаточно развитой конкуренцией в экономических исследованиях подтверждена давно и достаточно надежно.

Эмпирическое подтверждение на первый взгляд наиболее очевидного факта – о том, что ослабление конкуренции сопровождается повышением цен, – с точки зрения стандартов современного экономического анализа наиболее проблематично. Исторически именно тестирование гипотезы о том, что высокая концентрация сопровождается повышением цен, повышением прибыли продавцов и снижением выигрыша потребителей, породило теорию отраслевых рынков (Industrial Organization) как самостоятельную область экономических исследований. По-

давляющая часть сопоставлений показателей концентрации продавцов и назначаемых им цен подтверждали положительную зависимость. Это направление анализа, популярное три четверти века назад, создало так называемую парадигму «структура – поведение – результат» (structure – conduct – performance, SCP). Но довольно быстро возникло сомнение в том, можно ли положительную зависимость интерпретировать как причинно-следственную, в присутствии очевидных проблем эндогенности (высокие цены могут быть результатом слабой конкуренции в условиях немногочисленности продавцов, но могут и привлекать продавцов на рынок, влияя на показатели концентрации). В остатке, однако, положительная связь высокой концентрации и высоких цен была получена в подавляющем большинстве исследований. Подробный обзор результатов тестирования гипотез «выше концентрация – выше цены» и проблем измерения и идентификации можно прочесть в [49]. Если экспертов одолевают сомнения в отношении отраслевых сопоставлений, убедительным свидетельством потерь аллокативной эффективности от монополизации служит повышение цен в результате картельного сговора (cartel overcharge), составляющее 20–25% и достигающее 40% для глобальных картелей [37].

Достаточно эмпирических свидетельств накоплено в пользу второго источника неэффективности – более высоких издержек продавцов на рынках со слабой конкуренцией. Компании, соперничающие с большим количеством конкурентов, демонстрируют более быстрый рост производительности и в Великобритании [45], и в России [39]. С этой точки зрения интересны результаты проконкурентных реформ в отраслях естественных монополий. В рамках реформы телекоммуникаций в США (1980-е годы) American Telegraph and Telephone была разделена на компанию, которая предоставляла услуги международной связи и находи-

лась в состоянии конкуренции с двумя другими продавцами – Sprint и MCI, и 144 компании, предоставляющие услуги местной связи, которые оставались монополистами на региональных рынках. В течение шести лет после реформы AT&T Long Lines (конкурирующая на «рынке трех») резко увеличила производительность, а региональные компании, оставшиеся в терминах российской практики естественными монополиями, нет [41].

Обзор оценок потерь благосостояния от слабой конкуренции и применение полученных закономерностей к российской экономике содержится в докладе, подготовленном под руководством А. Е. Шаститко в 2012 г. [30].

Конкурентная политика противодействует потерям от монополии с помощью инструментов, которые можно разделить на три группы [4]. Из них две оформились в виде самостоятельных направлений экономической политики – применения антимонопольных запретов и регулирования. При сходстве целей разница между этими инструментами на нормативном уровне весьма существенна. Антимонопольные запреты исходят из возможности конкуренции – соперничества продавцов на целевых рынках. Ставятся задачи: (1) предотвратить соглашения о разделе рынка и фиксации цен; (2) предотвратить монополизацию рынков крупными компаниями и (3) предотвратить создание сверхкрупных для данного рынка компаний путем слияний. Первая и вторая задачи решаются путем применения запретов, за нарушение которых на компанию налагаются санкции. Третья задача решается путем применения права вето на сделки слияния и права налагать дополнительные условия на участников слияний (с помощью предписаний). В целом антимонопольные запреты применяются *ex post* на основании расследований. Вопросы, на которые должны ответить расследования, различаются для двух групп потенциальных наруше-

ний. В отношении соглашений конкурентов о ценах и/или разделе рынка для вывода о нарушении закона необходимо лишь ответить на вопрос, имело место соглашение или нет. В отношении вертикальных соглашений и политики крупных компаний, как правило, следует отвечать на гораздо большее число вопросов: какова конкуренция на рынке (границы которого вначале нужно определить), каково влияние анализируемой практики на конкуренцию, как она влияет на потребителей, и есть ли у нее положительные эффекты. Даже ограничивающая конкуренцию практика может быть признана не противоречащей закону, если ее положительные эффекты достаточно велики. В этом состоит взвешенный подход (*rule of reason, effects-based enforcement*) [28]¹.

Регулирование применяется на рынках, где конкуренция невозможна. В качестве «второго наилучшего решения» регулятор может определять цены для конечных потребителей или цены доступа к так называемым ключевым мощностям [7]. Ключевые мощности как объект регулирования возникают в отраслях естественных монополий, проходящих процесс реструктуризации как отделение конкурентных (или потенциально конкурентных) секторов в цепочке создания стоимости от естественно-монопольных (там, где конкуренция при данных технологиях или физических ограничениях невозможна), – см. [2]. Главное отличие регулирования от антимонопольных запретов связано с тем, что первое применяется *ex ante*. Правовые нормы описывают признаки не запрещенных, а единственно разрешенных условий договоров. Отклонения от установленных правил по умолчанию считаются путем к ослаблению конкуренции и/или потерям потребителей. Процедуры проконкурентного регулирования в этом смысле отличаются от процедур применения

¹ Детальное представление последовательности анализа можно найти в стенограмме семинара [22]).

антимонопольных запретов². Именно поэтому в мировой практике принято отличать регулирование от антитраста (антимонопольного правоприменения). Третья группа инструментов конкурентной политики включает действия, нацеленные на снижение барьеров и стимулирование входа на рынок.

Между описанной моделью конкурентной политики и организацией конкурентной политики на практике, равно как и разными вариантами организации конкурентной политики в мире, существуют серьезные различия [42]. Антимонопольные запреты могут применяться в рамках прокурорской модели, когда решения о нарушении закона выносят суды, а антимонопольные органы выступают в качестве обвинителя. Но чаще в мире встречается административная модель, когда решение о нарушении выносят антимонопольные органы. Внутри антимонопольных органов расследование и вынесение решений может быть структурно разделено или объединено, и есть данные о том, что в первом случае расследование проводится глубже и его результаты описываются тщательнее [40]. Различаются правила расчета санкций и их максимальный размер. Надзор за соблюдением норм проконкурентного регулирования обычно возлагается на специализированный орган. Этот специализированный орган может быть отраслевым, но может осуществлять надзор за доступом к ключевым мощностям во всех отраслях, проходящих вертикальную реструктуризацию. Роль этого специализированного органа в некоторых

случаях может вообще выполнять ассоциация поставщиков и покупателей (например, в энергетике в Германии). Но возможно существование и мультифункционального органа конкурентной политики, объединяющего антимонопольное правоприменение и регулирование, примером чего является Россия (о сравнительных преимуществах мультифункционального органа – см. [24]). Между нормами антимонопольного законодательства и нормами регулирования может быть установлен приоритет (так, в США в соответствии с правилом, известным как доктрина *Trinko*, регулирование обладает приоритетом по отношению к антимонопольным запретам). Но в то же самое время решение типичных проблем регулирования может осуществляться инструментами применения антимонопольных запретов. Все эти – и многие другие неупомянутые обстоятельства – создают калейдоскоп практики применения антимонопольных запретов в мире. Но в последнее десятилетие все крупные конкурентные юрисдикции сталкиваются с одинаковыми проблемами.

Кризис конкурентной политики: что случилось

Критика конкурентной политики началась давно. До начала XXI века можно выделить два направления такой критики. Одно – со стороны противоречия между предпринимательством и государственным воздействием, которое само по себе создает издержки. Именно из этого исходят представители австрийской школы [26]. По мнению ярких и весьма популярных представителей этой школы (достаточно вспомнить, что книга Арментано [32] была быстро переведена, неоднократно переиздавалась и остается едва ли не самой популярной в России, а статья Ди Лоренцо (2009) – едва ли не самая цитируемая при обсуждении регулирования), антимонопольная политика не просто не достигает заявленных целей.

² Необходимо сделать оговорку о том, что в арсенале применения антимонопольных запретов также есть нормы, предписывающие определенные правила заключения договоров – поведенческие предписания. При близости предписаний к регуливающим нормам разница между ними все же существует. Поведенческие предписания выдаются либо по результатам согласования сделок слияний, либо по результатам расследования нарушения законодательства. Регулирующие нормы применяются универсально в отношении всех участников конкретной отрасли.

Антимонопольная политика сама создает проблемы монополии³. Другое направление критики состоит в том, что применение антимонопольных запретов так и не смогло решить проблемы, которые вызывали государственное вмешательство [38]. В отраслях, которые были объектами воздействия, проблемы монополий все еще острее, а цены растут быстрее, чем на рынках, где антимонопольное воздействие не осуществлялось⁴. Важно заметить, что конкурентная политика реагировала на оба направления критики. В некотором смысле ответом на критику в стиле Ди Лоренцо была волна реформ по развитию конкуренции в регулируемых секторах – неизбежно вариативных в зависимости от истории, географии и целевых рынков [16]. Реакцией на второе направление критики стало развитие оценки результативности органов конкурентной политики на основе сопоставления их бюджетов с полученными потребителями выигрышами (подробнее о вариантах оценки органов конкурентной политики – см. [34]).

Важно, что оба направления критиковали конкурентную политику за *действия* – неважно, были ли эти действия вредными или

недостаточно полезными. На протяжении последних десяти лет предмет критики изменился. Антимонопольное законодательство критикуют за бездействие и неспособность противодействовать стремительному расширению цифровых платформ и реализации их рыночной власти (подробный разбор дебатов о причинах ограниченных эффектов антитабаста в США см., например, в [43]). Кратко охарактеризуем проблему со стороны оценки эффектов монополии крупных цифровых платформ и со стороны проблем на стороне конкурентной политики.

Цифровые платформы используют новые технологические решения для сбора и обработки информации для целей повышения результативности мэтчинга. В каком-то смысле цифровая платформа – это приспособленная для конкретных целей рекомендательная модель. Качество работы рекомендательной модели растет с масштабом. Вот почему, в частности, бизнес-модель платформы включает предоставление множества услуг одной стороне бесплатно, чтобы благодаря сетевым эффектам создать феномен, известный как петля притяжения (attraction loop) – чем больше участников на одной стороне единиц для отбора, тем больше участников на другой стороне; каждый дополнительный участник запускает мультипликативный эффект расширения базы пользователей.

Беспрецедентные возможности мэтчинга мотивируют рассматривать цифровые платформы как основу очередной промышленной революции. Ухудшение конкурентных позиций и перераспределение прибыли от традиционных участников рынка в адрес цифровых платформ в этом контексте интерпретируются как элемент «созидательного разрушения» по Йозефу Шумпетеру. По-человечески создателей и работников отдельных компаний и целых секторов экономики жаль, но это неизбежный результат конкурентной борьбы между старыми и новыми бизнес-моделями, как ручных мануфактур с фабрикой.

³ Разбор аргументации этого направления критики не входит в задачи данной статьи. Полезно зафиксировать, что, по мнению Ди Лоренцо, именно конкурентная политика в конце XIX века привела к неоправданному возникновению регулирования в электроэнергетике США и закрепило в соответствующих секторах отсутствие конкуренции. Мишенью критики является регулирование, не антитабаст. Объяснение регулирования исходя из результата взаимодействия групп интересов и предвыборной борьбы пренебрегает более простыми объяснениями – эффектами масштаба, ассортимента и транзакционными издержками взаимодействия между поколениями, передачей и распределением, влияющими на организацию отрасли более полутора веков.

⁴ Следует отметить, что первым объектом критики при таком подходе должна служить медицина, а не антимонопольная политика. Обычно группа воздействия, которую лечили, несмотря на лечение, чувствует себя хуже по сравнению с теми, кого не лечили. Но последняя группа, к счастью, отнюдь не контрольная – она просто состоит из здоровых.

Бесплатность (или «бесплатность», если быть точнее) важнейших услуг цифровых платформ усиливает позитивный фон отношения к цифровым платформам.

В то же время «бесплатность» услуг цифровых платформ до известной степени обезоружила антимонопольное законодательство. Применение запретов по отношению к бизнес-моделям крупных компаний требует специального анализа, включающего объяснения отрицательного влияния практики на конкуренцию и выигрыши потребителей для конкретного случая и эмпирического подтверждения этого отрицательного влияния. Для традиционных моделей теории отраслевых рынков отрицательное влияние эквивалентно снижению выигрыша потребителей. В рамках бизнес-моделей многосторонних платформ, даже если отрицательное влияние на конкуренцию очевидно, объяснить отрицательное влияние на потребителей может быть сложно. В конечном счете объяснения отрицательного влияния ограничений конкуренции со стороны цифровых платформ были разработаны вполне в традиционной методологии (см. [44]). Однако это потребовало времени, что в сочетании с традиционными длительными процедурами антимонопольного расследования создало впечатление то ли нежелания, то ли неспособности проводить антимонопольную политику в отношении цифровых платформ. Именно в этом контексте можно говорить о том, что злоупотребление рыночной властью крупными технологическими платформами – результат и свидетельство провала регулятора [13].

Преодоление возникшего кризиса в антимонопольной политике идет в разных направлениях. Меняются подходы к оценке практик многосторонних платформ [22]. Важная часть предложений – отказ от приоритета показателя выигрыша, или благосостояния потребителей [12], в том числе поскольку в практике многосторонних платформ негативное влияние на потреби-

теля может долго не прослеживаться, перераспределение выигрышей происходит в первую очередь от конкурентов и бизнес-клиентов, но не от потребителей. В законы о конкуренции, подзаконные акты или руководящие документы регулирующих органов многих стран от США до Китая вносятся специальные указания на особенности конкуренции и ограничений конкуренции в практике цифровых платформ [9].

Развиваются и альтернативные инструменты конкурентной политики в отношении цифровых платформ, предполагающие собственное регулирование [5, 9], эквивалентное регулированию в отраслях естественных монополий. На данный момент дальше всех по этой дороге продвинулся Европейский Союз, принявший в 2022 г. Закон о цифровых рынках (Digital Market Act). В структуре цифровых платформ (изначально предполагалось, что предметом закона станет группа GAFAM – от Google, Apple, Facebook⁵/Meta⁶, Amazon, Microsoft, однако в итоге добавился шестой объект – ByteDance, оператор социальной сети TikTok) выделяются так называемые ключевые услуги платформ (core platform services), в отношении которых детализировано регламентируются правила заключения договоров с коммерческими клиентами. Ключевые услуги платформ становятся тем самым эквивалентом ключевых мощностей (essential facilities), определение режима доступа к которым составляло сердцевину проконкурентных реформ в регулируемых отраслях 1980–2000 гг. Принимаются решения, больше напоминающие вертикальное разделение для обеспечения недискриминационного доступа к ключевым мощностям: так, в Индии с 2019 г. крупнейшим маркетплейсам запрещено продавать

⁵ Принадлежит компании «Meta», признанной экстремистской организацией, и запрещена в Российской Федерации.

⁶ Признана экстремистской организацией и запрещена в Российской Федерации.

товары производителей, которыми маркет-плейсы владеют.

Антимонопольное правоприменение в России: развитие на протяжении тридцати лет

Законодательство о конкуренции в России испытывало все сложности, связанные с переходным характером хозяйственной системы. Положение России в международном разделении труда оказало очень серьезное влияние на повестку. Место в системе органов власти также было найдено не сразу (и до сих пор определено не наилучшим образом). Эти обстоятельства поставили перед органом конкурентной политики весьма специфические проблемы, отделяющие его от органов, применяющих антимонопольные запреты в других странах.

Резкий разрыв хозяйственных связей в переходной экономике привел к формированию отношений монополии там, где в исходно рыночной экономике они просто бы не возникли [33]. Слишком высокая специфичность активов (продавец обречен взаимодействовать с единственным покупателем, потому что другого просто нет и в обозримом будущем не будет) демотивировала бы инвестиции в рыночной экономике с децентрализованным принятием решений. В России же до сих пор можно встретить компании, оказавшиеся самостоятельными юридическими лицами в результате приватизации, но исторически созданные как компоненты единого хозяйственного комплекса. Разновидностью такой конфигурации является двусторонняя монополия [31]. Потребовалось четверть века, прежде чем ФАС России заявила, что неисполнение договора в рамках двусторонней монополии – не то же самое, что ограничение конкуренции, и не является как таковое предметом антимонопольного расследования⁷. Но до

этого принципиально важного решения (а на самом деле даже и после него) расследования конфликтов между вынужденно взаимозависимыми компаниями занимали значительную часть в повестке российского антимонопольного органа⁸.

Если проблемы взаимозависимых компаний постепенно уходят из повестки дня по той простой причине, что дополнительных инвестиций в идиосинкратические активы не делается, цены российских экспортеров сырья на внутренних рынках – устойчивая часть повестки конкурентной политики. После распада СССР производители нефтепродуктов, черных и цветных металлов, удобрений, некоторых химических продуктов столкнулись с резко снизившимся спросом на внутреннем рынке при высокой конкурентоспособности на рынках мировых. Для немногочисленных экспортеров, обладающих рыночной властью по отношению к отечественным покупателям, максимизирующая прибыль цена на внутреннем рынке – цена, превышающая цену экспорта [8]. В полном соответствии с моделью ценовой дискриминации третьей степени⁹. Системным ответом на эту проблему стали регламентированные ценовые политики крупных экспортеров, использующие самые разные бенчмарки [1], но сдерживающие цены на

⁸ Пример Пикалёво, где цемент и сода производились с использованием идиосинкратических активов, описан в [27].

⁹ Стремление доминирующих экспортеров устанавливать на внутреннем рынке цену выше экспорта не специфично для России. Совершенно такую же практику неоднократно рассматривал антимонопольный орган ЮАР. Компания Mittal Steel, в частности, назначала на черные металлы цену исходя из принципа импортного паритета, то есть буквально не выше той цены, по которой покупатель в ЮАР мог приобрести металл в порту Черного моря FOB плюс перевалка и морской фрахт, плюс импортная пошлина в ЮАР, плюс агентское вознаграждение, плюс 5% наценки [48]. Логика ценовой дискриминации третьей степени: цена выше на внутреннем рынке, где ценовая эластичность спроса для продавца (эластичность так называемого остаточного спроса) ниже.

⁷ См. комментарий А. Г. Цыганова в отношении решения по делу «Роснефти» и «Саянхимпласта». URL: <https://fas.gov.ru/news/2418>

внутреннем рынке по сравнению с ценами экспорта (подробнее о механизме такого сдерживания – см. [25]).

Отдельную проблему составляет положение ФАС России в национальной системе органов управления. Законодательство, регламентирующее работу с обращениями граждан, ограничивает свободу выбора предметов расследования. Безусловно, ФАС России имеет возможность начать расследование самостоятельно. Но вот отказ от расследований на основании жалоб требует определенных издержек (пусть и небольших). Учитывая же, что оценка результатов деятельности ФАС России использует количественные показатели [3], это обстоятельство толкает к расследованию бизнес-практики с относительно небольшим влиянием на рынки. Во многом благодаря этому механизму число решений о злоупотреблении доминирующим положением, принятых ФАС России, в 2011 г. превысило 3 тыс., что беспрецедентно в мировой практике и автоматически исключает сколько-то глубокий анализ в большинстве решений [23]. Слишком высокая роль жалоб в качестве инициатора антимонопольных расследований чревата повышением вероятности правовых ошибок первого и второго рода – наказания невиновных и ухода виновных от ответственности [36]. При этом издержки объектов расследования заметны даже в том случае, когда расследование не приводит к решению о нарушении закона [21].

Наконец, нельзя забывать, что из тридцати трех лет существования на протяжении почти половины российская конкурентная политика не опиралась на сколько-нибудь существенную систему санкций. Штрафы за нарушение антимонопольного законодательства были кратны МРОТ. При таких санкциях сколько-нибудь серьезное влияние на поведение компаний невозможно.

Немаловажную проблему для органа конкурентной политики составляли и продолжают составлять завышенные ожида-

ния эффектов его деятельности. Не только в обывденном сознании, но и с точки зрения Правительства РФ и Администрации Президента РФ ФАС России несет ответственность не за предотвращение ограничений конкуренции, а за справедливость условий конкуренции и, конечно же, за уровень цен.

Все перечисленное не могло не отдалять конкурентную политику России от описанного выше «антитраста из книжки». «Анти-траст из книжки», обобщающий опыт рыночных экономик без опыта централизованного административного размещения ресурсов, мало или ничего не может подсказать в отношении двух самостоятельных юридических лиц, объединенных одной инфраструктурой, спорящих, кто из них кому доминирующий продавец/покупатель. В принципе он немного может подсказать и в отношении доминирующих экспортеров, для которых внутренний рынок – не приоритетный. И тем более в отношении того, что такое «нормальные» цены и как предотвратить повышение цен крупными производителями в период роста спроса и всеми подряд – в период турбулентности и неопределенности. Базовая комплектация задач и полномочий ФАС России соответствует классическому антитрасту. Но дополнительная комплектация слишком обширна. Она включает и тарифное регулирование (что уже не так часто входит в состав полномочий антимонопольного органа), и контроль за соблюдением требований конкуренции в регулируемых закупках (что входит в состав полномочий антимонопольных органов редко), законодательства о рекламе (еще большая редкость), законодательства об инвестициях в стратегические предприятия (кроме России, насколько нам известно, не входит в состав полномочий антимонопольных органов нигде), контроль цен госзаказа, законодательства о торговле, регламентирующего условия договоров между поставщиками и розничными сетями. Наконец, в базовой комплектации тоже есть не вполне стандартные фишки: так же как в кон-

курентном законодательстве Китая, в России есть нормы, запрещающие органам власти принимать решения и заключать соглашения, ограничивающие конкуренцию.

С 2004 г. российская конкурентная политика прошла большой путь. Часть предпринятых шагов приближают ее к «антитрасту из книжек». В 2006 году закон «О защите конкуренции» сменил закон «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности». В течение года после принятия нового закона была наконец создана основа для принуждения к исполнению требований законодательства о конкуренции – введены оборотные штрафы за нарушение, то есть кратные выручке компании (в противоположность штрафам, кратным МРОТ). Одновременно принята система ослабления наказаний за участие в ограничивающих конкуренцию соглашениях, предназначенная для повышения сдерживания благодаря механизму коллективных действий («дилеммы заключенного»). Введена система индивидуальных санкций, существующая далеко не во всех юрисдикциях. Была радикально повышена минимальная граница предварительного контроля сделок слияний, а следовательно, эффективность этой части деятельности ФАС России. Процедуры определения границ экономической фирмы (группы лиц) для целей предварительного анализа слияний, которые использует ФАС России, – весьма элегантное решение в условиях широкого распространения холдингов, включающих акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью. В 2010 г. опубликован Порядок проведения анализа состояния конкуренции на товарных рынках – важный методический документ и для антимонопольного органа, и для участников рынка, и для судов. Этой публикацией российский антимонопольный орган резко повысил состязательность и в процессе расследования, и в процессе оспаривания принятых решений. В закон «О защите конкуренции» внесены измене-

ния, снижающие вероятность ошибочных обвинений, например существенно ограничены обстоятельства, в которых тестируются гипотезы о согласованных действиях.

Проблема избыточного числа расследований решалась ФАС России с разных сторон. Коммерческие (торговые, торговосбытовые) политики стали способом делегировать разработку стандартов соответствующей требованиям закона деловой практики ассоциациям предпринимателей, а мониторинг за соблюдением этих стандартов – контрагентам крупных компаний. Предупреждения как специальная форма указания антимонопольного органа позволили повысить скорость принятия решений и воздействия на рынок, избегая комплекса связанных с расследованием процедурных издержек¹⁰. В результате предпринятых мер число решений о злоупотреблении доминирующим положением за последние десять лет снизилось в несколько раз.

В сфере тарифного регулирования и развития конкуренции в регулируемых отраслях достигнут ряд положительных результатов. Значительная часть регулируемых тарифов устанавливаются по принципу индексации, не требующего анализа затрат и тем самым минимизирующего отрицательное воздействие на стимулы регулируемых компаний. Даже при сохранении вертикально интегрированных поставщиков (на оптовом рынке газа, например) меры по обеспечению недискриминационного доступа к инфраструктуре позволили создать конкуренцию между крупными поставщиками.

¹⁰ Надо отметить, что в отличие от многих других новаций конкурентной политики оценка системы предупреждений, как и коммерческих политик, вовсе не однозначна. С одной стороны, их применение, как показала практика, действительно упорядочивает отбор контрагентов и правила работы с ними. С другой стороны, как любые формализующие действия правила, коммерческие политики могут ухудшать положение и продавцов, и их контрагентов. Какой эффект будет преобладать, зависит от дизайна коммерческих политик.

Важные результаты достигнуты российским антимонопольным органом в налаживании сотрудничества с аналогичными органами стран БРИКС. Несмотря на серьезные различия содержания законов о конкуренции [35], было найдено по крайней мере три перспективных направления сотрудничества, помимо обмена опытом как такового: кооперативное согласование международных сделок слияний, разработка кодекса поведения крупных международных компаний для предотвращения ограничения конкуренции и применения эксплуатирующих практик на внутренних рынках, разработка политики в отношении интеллектуальной собственности.

Другая часть предпринятых шагов отвечала на запрос о необходимости применения законодательства для решения более широких экономических задач. Две самые радикальные новации после закона «О защите конкуренции» – законы «Об основах регулирования торговой деятельности» (Закон о торговле, 2009) и «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (традиционно – Закон о регламентированных закупках, 2011) нацелены на решение насущных экономических проблем методами административной поддержки конкуренции. Оба закона, будучи адресованными совершенно реальным и насущным проблемам [18–20, 46], используют слишком широкий предмет регулирования и устанавливают слишком унифицированные правила, связь многих из которых с задачами конкуренции сомнительна.

В законе «О защите конкуренции» по сравнению с предыдущим более подробно описаны признаки монопольно высокой цены. Для доминирующих продавцов де-факто введена обязанность менять цены в соответствии с изменением их издержек. Одновременно принята доктрина коллективного доминирующего положения, существенно расширяющая сферу применения запрета на монопольно высокую цену. Занимающими доминирующее положение могут призна-

ваться относительно не крупные продавцы – с рыночной долей от 8% и выше. Не окончательно разрешены споры между ФАС России и судами о том, могут ли к группе коллективно доминирующих относиться продавцы на рынке, где доля крупнейшего продавца превышает 50%. Орган конкурентной политики считает возможным делать вывод одновременно об индивидуальном и коллективном доминирующем положении, с чем российские суды не соглашались. Практика применения доктрины коллективного доминирующего положения в России резко отличается от того, как подобная доктрина применяется в Европейском Союзе [29]. Вторая часть деятельности ФАС России традиционно служит предметом более или менее жесткой критики за подмену конкурентной политики экономическим регулированием (см. [17]), то есть за то, что задачи регулирования решаются не приспособленными для этого инструментами и одновременно недостаточно ресурсов направляется на решение задач защиты конкуренции.

Таким образом, применение антимонопольных запретов в России развивалось на фоне противоречия между относительно типовым антимонопольным законодательством и особенностями возложенных на применение антимонопольного законодательства задач в сочетании с особенностями комбинации структуры отраслей в России и их целевых рынков. В этом состоянии конкурентная политика встретила шоки начала 2020-х годов.

Повестка конкурентной политики в России: что поменялось с 2020 г.¹¹

Самое важное утверждение в отношении целей и задач конкурентной политики се-

¹¹ Содержание следующих параграфов в значительной степени опирается на обсуждение, состоявшееся 14 июня 2023 г. на юбилейной конференции кафедры промышленной и конкурентной политики экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова «Практика антитабачной и промышленной политики» [17]).

годня – они не поменялись. Точно так же, – а в некоторой степени и еще важнее, – задачи снижения барьеров входа на рынок, предотвращения ограничений конкуренции и эксплуатирующих практик.

Изменились обстоятельства, определяющие сравнительную важность отдельных задач конкурентной политики. Причем как «книжных», так и «нетипичных» задач конкурентной политики. Сговор и ограничения конкуренции со стороны доминирующих продавцов точно так же снижают благосостояние потребителей, как в книжках, и как это было до 2020-х годов.

В отдельных случаях могут возникать обстоятельства, требующие учета особенностей сегодняшней бизнес-среды. Например, неопределенность в комбинации с вызовами спроса может повысить привлекательность вертикальных и даже горизонтальных соглашений между российскими производителями. Но, пожалуй, самые серьезные для конкуренции угрозы исходят из закрытых или по крайней мере менее открытых для экспертов решений – решений органов власти, объективно ограничивающих конкуренцию. Нет сомнений в том, что сегодня возникают обстоятельства, требующие дискреционных решений, поддерживающие отдельные сектора и отдельные компании и при этом искажающие равные условия конкуренции. Но дискреционные решения вполне могут быть продиктованы и соображениями поиска ренты, и таких решений должно если не приниматься, то обсуждаться очень много.

Есть по крайней мере один сектор, где условия санкционного давления улучшили условия для конкуренции, – это рынки, находящиеся под воздействием цифровых платформ. Долгие годы меры по поддержке отечественных цифровых платформ в соперничестве с глобальными конкурентами имели весьма ограниченный эффект [47]¹².

Сокращение бизнеса международных платформ в России с 2022 года создало существенный спрос со стороны рекламодателей – основного источника монетизации кросс-платформенных сетевых эффектов в экосистемах так называемых нетрансакционных цифровых платформ. «Яндекс» без усилий со своей стороны приобрел хороший дополнительный спрос на плату за клики (search digital advertising). Telegram получил сильнейший импульс для монетизации (по мнению очень многих, используемый очень ограниченно). Российские маркетплейсы кратно нарастили выручку от рекламы. В самой любопытной ситуации оказался YouTube, который создатели контента используют для рекламной интеграции. YouTube же исполняет мечту экспертов в области конкуренции, предоставляя ключевые мощности бесплатно (хотя и не совсем на недискриминационных условиях).

Помимо «книжной» повестки конкурентной политики, сохранилась и задача сдерживания цен как компонент антиинфляционной политики. На нормативном уровне можно было бы ожидать, что по крайней мере стимулы крупных экспортеров к повышению цен на внутреннем рынке будут ограничены санкционным давлением со стороны зарубежных покупателей. Однако это произошло на очень небольшом числе рынков. Как правило, и ограничения спроса на внешних рынках оказались не столь серьезными (либо их перевесили тренды роста спроса на мировом рынке), а волатильность курса рубля повышает альтернативную ценность при продажах на внутреннем рынке. Кроме того, повышение масштабов инфраструктурных и строительных проектов, осуществляемых как благодаря государственной поддержке, так и без нее, на многих рынках наталкивается на ограниченность мощностей

¹² Справедливости ради следует упомянуть, что Россия – единственная страна, где отечественные цифро-

вые платформы смогли соперничать с международными платформами и развиваться без исключения последних с национального рынка путем запрета.

отечественных поставщиков, что также сопровождается ростом цен и часто – ростом цен со стороны крупных компаний.

Итак, повестка конкурентной политики изменилась не очень существенно. Что же с инструментами конкурентной политики, обстоятельствами их применения и факторами эффективности?

Инструменты конкурентной политики в России: текущие изменения, использованные и неиспользованные возможности

Если скептикам были нужны доказательства актуальности конкурентной политики, то в России в 2020 и 2022 гг. такие доказательства были предоставлены. Значительная часть результативных антикризисных мер совпадала с инструментами, на протяжении десятилетий входящими в арсенал (не всегда востребованный) конкурентной политики.

Наиболее широко известные проконкурентные антикризисные меры укладываются в направление снижения и оптимизации контрольно-надзорной деятельности. И период ковида, и начало СВО сопровождались волнами отмен и мораториев на плановые и внеплановые проверки бизнеса, продления лицензий и разрешений на ведение деятельности, сертификатов и деклараций, снижения стандартов штрафов для малых предприятий. Можно сказать, что просто происходит реализация давно запланированной реформы контрольно-надзорной деятельности. Однако нет сомнений, что реформа реализуется гораздо веселее, чем можно было ожидать по опыту двадцатилетнего бесплодного обсуждения проблем административных барьеров. И в 2020, и в 2022 году давно задуманная «регуляторная гильотина» заработала. Мониторинг Института государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ показывает трехкратное снижение контрольно-надзорных ме-

роприятий в 2022 г. по сравнению с 2021 г. [14, с. 7]. Прослеживается фактическая замена проверок и штрафов профилактическими визитами и предупреждениями.

В 2022 году в ограниченном варианте был введен режим параллельного импорта. Эта мера на протяжении десятилетий была частью повестки ФАС России, последовательно выступавшей за отказ от государственной защиты интересов зарубежных правообладателей. Введение режима параллельного импорта (то есть отказ от обязательности авторизации импорта в Россию правообладателем), в отличие от множества других шагов, опирается не только на правовые аргументы [10], но и на данные высокой степени доказательности [6]. Единственный серьезный аргумент в пользу запрещения параллельного импорта (национального режима исчерпания интеллектуальных прав) – он создает стимулы к инвестициям правообладателей на территории России, давая возможность повысить эффективность инвестиций за счет продажи по более высокой цене. Практически в течение последних двадцати лет самые существенные инвестиции на территории России среди владельцев защищенных товарных знаков сделаны международными автомобильными компаниями. Причем подавляющая часть этих инвестиций были сделаны до наступления Великой рецессии в 2008 году, и значительная часть – в первые годы введения нового правового режима импорта и даже до него. По состоянию на 2024 г. гипотетическое сохранение запрета на параллельный импорт вряд ли привлечет дополнительные инвестиции, если они не были сделаны до сих пор. С другой стороны, для пользовавшихся на протяжении двадцати лет защитой правообладателей убытки возникли не благодаря разрешению параллельного импорта, а благодаря системе международных санкций, заставившей отказаться от российских активов. Тем не менее до сегодняшнего дня режим параллель-

ного импорта действует как разрешительный – по умолчанию сохраняется дополнительная защита прав правообладателей.

Кризисы 2020 и 2022 годов сопровождались тестированием и комплексом мер внешнеторговой политики, которые в некоторой степени могут заменить или результативно дополнить применение запретов на монопольно высокую цену – с учетом сложившейся за последние двадцать лет практики их применения. Кризис COVID-2019 спровоцировал повышение мировых цен на многие сырьевые и продовольственные товары. Для предотвращения или по крайней мере ограничения эффекта переноса роста мировых цен на внутренние рынки и тем самым для ограничения инфляции с конца 2020 г. начали применяться инструменты, ограничивающие объем экспорта и тем самым понижающие альтернативную ценность продаж на внутреннем рынке. Яркие примеры – 70%-ная пошлина на разность между экспортной и индикативной ценой пшеницы и подсолнечного масла, кратное повышение экспортной пошлины на семена подсолнечника, – и перечень примеров можно расширять.

В конце 2023 г. приняты решения о применении плавающих экспортных пошлин (для некоторых продуктов – дополненных экспортными квотами) на целый ряд товаров – предметов экспорта. В некоторых случаях пошлины зависят от курса рубля, в других – неизменная ставка применяется к разнице между таможенной стоимостью и индикативной ценой. Применяются они в том числе и в отношении крупных продавцов, которые на протяжении последних пятнадцати лет были фигурантами расследований нарушения запретов на установление монопольно высокой цены. По сравнению с применением статьи 10 Закона о конкуренции, запрещающего назначение монопольно высокой цены, инструменты демпфера обладают по крайней мере двумя преимуществами. Плавающие экспортные тарифы при их должном применении явля-

ются до известной степени автоматическим стабилизатором, при нормальных условиях не оказывающим отрицательного влияния на внутренний рынок и стратегии продавцов. Немаловажен и тот факт, что задача ослабления связи между мировыми ценами и ценами внутреннего рынка выводится тем самым из повестки антимонопольной политики, где ей не место¹³. Гипотетически возможна комбинация применяемых мер антимонопольной политики с внешнеторговыми ограничениями, например зависимость квот на экспорт от соблюдения условий коммерческих политик в части отсутствия дискриминации.

Наверное, почти неизбежным (хотя от этого не менее нежелательным) было активное применение в 2022–2023 гг. методов экономического регулирования, укоренившихся в конкурентной политике, в том числе регулирования цен. По поручению Правительства РФ ФАС России для компаний ряда отраслей разработаны рекомендации по ограничению розничных цен. На ряде рынков действуют обязательства ассоциаций предпринимателей по ограничению наценок (например, обязательства АКОРТ по ограничению наценок при определении розничных цен на социально-значимые продукты; относительно добровольно принятые на себя обязательства продавцов электроники по замораживанию цен). В настоящее время (начало 2024 года) ждет принятия закон, распространяющий ранее содержавшуюся в Законе о торговле норму о праве заморозить цены на товары, демонстрирующие рост на 30% в течение 60 дней. Честно говоря, этот инструмент выглядит слишком

¹³ Необходимо сделать оговорку о том, что этот инструмент не позволит решить проблему повышения цен, происходящего в результате не переноса на российский рынок мировых цен, а растущего спроса в условиях ограниченности мощностей российских продавцов. В долгосрочном периоде данную проблему позволит решить только расширение мощностей по производству этих товаров.

сильным и может быть опасным. Понятны аргументы в пользу самого наличия подобного инструмента как угрозы вмешательства в случае повышения цен, обычно сопутствующего панике на отдельных рынках. Но эффект применения подобной меры может оказаться совершенно неожиданным. Так, замораживание цен на продукты, допускающие хранение с небольшими издержками, может вызвать дефицит, который гораздо больше спровоцирует панику покупателей, нежели сколь бы то ни было значительное повышение цены. Не говоря уже о том, что бывают обстоятельства, когда важнее обеспечить само наличие товара на рынке, пусть и по высокой цене. Если в случае принятия эту норму удастся сохранить «спящей», – как это произошло в случае Закона о торговле, – может быть, она и сыграет положительную роль как способ охладить ожидания участников рынка.

В условиях санкций ФАС России лишился возможности использовать данные о цене экспорта или ценах на целевых рынках экспортеров в качестве эталона для оценки соблюдения запрета на назначение монопольно высокой цены. В 2022 г. в явном виде заявлено, что за рубежом рынков, сопоставимых с российскими товарными рынками, больше нет¹⁴. Ведется работа по разработке национальных индикаторов, которые отражали бы эталоны, позволяющие оценивать соблюдение запретов на монопольно высокую цену. Эта работа неразрывно связана с развитием биржевой торговли. Проекты по развитию биржевой торговли путем квотирования доли реализуемых на бирже товаров могут принести положительный эффект гарантий предложения [11, 15]. Однако перспективы формирования эталонной цены, приравненной к цене конкурентного

рынка, на бирже, где в рамках квоты продают товары доминирующие продавцы, весьма сомнительна. Биржевая торговля, скорее, напротив, может повысить влияние на рынок консолидированной группы относительно небольших продавцов. Мировой опыт функционирования бирж, где предложение формируется немногочисленными продавцами, показывает, что биржевая цена с высокой вероятностью становится объектом плохо идентифицируемого манипулирования. Для формирования эталонной, эквивалентной конкурентной, цены спрос и предложение на бирже должны формироваться достаточно большим числом участников. Но здесь мы попадаем в замкнутый круг – странно ожидать конкуренции между участниками биржевой торговли, если на оптовом рынке товара доминирует крупный продавец или сформирована структура, признаваемая в России коллективным доминированием (тесная олигополия).

Некоторые из специфических полномочий ФАС России сегодня могли бы успешно использоваться. В начале 2022 г. установлен мораторий на разрешительный порядок предоставления государственных и муниципальных преференций; он заменен порядком уведомительный. Логика этого решения понятна: в условиях турбулентности и глубокой неопределенности могут понадобиться дискреционные решения, долгосрочные эффекты которых не очень важны. Но ФАС России должны интересовать именно долгосрочные эффекты в виде влияния предоставляемых преференций на структуру рынков и на конкуренцию. Потребовались ли экстраординарные преференции вообще? Насколько их предоставлено много? Насколько длительный период в будущем покрывают эти преференции? Какое влияние они оказывают или могут оказать на условия соперничества на рынках? Открытая информация о том, проводится такой анализ или нет, отсутствует. Опыт реализации полномочий в этой сфере делает ФАС Рос-

¹⁴ Сопоставимость рынков важна потому, что монопольно высокой не признается цена, не превышающая цену на сопоставимом находящемся в состоянии конкуренции рынке.

сии наилучшим выбором в качестве инструмента решения указанной задачи.

Наряду с приоритетом задач противодействия санкционному давлению из повестки дня не уходит вопрос об инструментах конкурентной политики в отношении цифровых платформ. После нелегкого пути так называемого пятого антимонопольного пакета, который в результате соперничества между заинтересованными группами был принят в усеченном виде [47], ФАС России некоторое время воздерживалась от инициатив в этой области. В 2021 году были приняты разумные Принципы взаимодействия участников цифровых рынков (2021). В 2023 г. в условиях резонансного конфликта маркетплейса Wildberries с владельцами пунктов выдачи заказов ФАС России оправданно воздержалась от радикальных действий, ограничившись выдачей рекомендаций по созданию внутрифирменного стандарта урегулирования споров и в конечном итоге добившись от всех маркетплейсов России принятия стандарта работы с пунктами выдачи заказов¹⁵. Не менее оправдана блокировка со стороны ФАС России законодательных инициатив о саморегулировании электронной торговли, нацеленной на вывод маркетплейсов из-под действия антимонопольного законодательства как такового.

При этом ФАС России выступает инициатором так называемой отмены антимонопольных иммунитетов для цифровых платформ. Это предложение – распространение на *все* цифровые платформы запретов на злоупотребление доминирующим положением, предусмотренных «пятым антимонопольным пакетом», – выглядит не вполне понятно. В первую очередь неясно, о каком антимонопольном иммунитете идет речь, учитывая богатый опыт ФАС России по возбуждению,

расследованию и вынесению решений о нарушении антимонопольного законодательства самыми разными цифровыми платформами – как агрегаторами, так и нетрансакционными платформами¹⁶. В экспертных обсуждениях антимонопольный иммунитет в отношении платформ часто увязывают с антимонопольным иммунитетом для прав на результаты интеллектуальной деятельности (РИД). На сегодняшний день отмена антимонопольного иммунитета на РИД вероятно оправдана, но применение антимонопольных запретов в отношении платформ не сводится к РИД (как и наоборот – иммунитеты на РИД относятся не только и даже не столько к цифровым платформам).

Интригующими будут обсуждение и окончательная редакция изменений в Закон о торговле, посвященных правилам маркетплейсов. По традиции, требования законопроекта ограничивают право маркетплейса менять условия договоров (в том числе комиссии) в одностороннем порядке и даже ограничивают периодичность изменения условий договора. Буквально следуя примеру Индии (и учитывая опыт антимонопольных исков к Amazon), вводится запрет на продажу крупными маркетплейсами собственных товаров. Окончательный вариант законопроекта будет любопытен как с точки зрения регулирующих норм взаимодействия маркетплейсов и поставщиков, так и с точки зрения относительного бремени регулирующих требований к маркетплейсам и розничным продовольственным сетям.

Вместо выводов

Смещение задач антимонопольного органа в России делает его несопоставимым с модельным представлением о работе

¹⁵ Заметим, что это пример масштабирования практики разработки и принятия коммерческих политик и отраслевых принципов.

¹⁶ Нетрансакционные платформы, по одной из классификаций, противопоставляются платформам-агрегаторам, посредничающим при заключении сделок (соответственно, трансакционным платформам).

антимонопольного органа в так называемых зрелых юрисдикциях – США и Евросоюзе. На этом основании сближение нормативной базы, организационной структуры, постановки задач и оценки результатов органа конкурентной политики России и этих юрисдикций большого смысла не имеет. Но бессмысленность этой задачи не отменяет нескольких важных выводов.

Первый состоит в том, что задачи, стоящие перед российским органом конкурентной политики, сами по себе реальны, и пути их решения далеко не всегда очевидны. Совершенно традиционные инструменты защиты конкуренции как предотвращения ограничений конкуренции, как они определены в Федеральном законе № 135-ФЗ «О защите конкуренции», важны и востребованы в российской экономике. Однако не меньшей, а в ряде случаев и большей эффективностью в качестве меры конкурентной политики могут обладать действия, снижающие административную нагрузку на бизнес, в том числе соответствующие «конкурентной политике из книжек». Действующий и продленный мораторий на проверки может в перспективе стать самой результативной «регуляторной гильотиной». Снижение защиты результатов интеллектуальной деятельности на данный момент не выходит за пределы стандартов, принятых в самых разных странах мира. Прямо скажем, в этом отношении от изменения российской политики самые разные группы экспертов ожидали большего.

Второй вывод: в текущей ситуации следовало бы активнее применять дополнительные по отношению к классическому антимонопольному законодательству фичи – запрет на действия органов власти,

ограничивающих конкуренцию. Роль ФАС России в обсуждении законопроектов, потенциально влияющих на условия конкуренции на рынках, должна быть выше.

Третий вывод: если какие-то задачи можно решать без привлечения искаженных инструментов антимонопольного законодательства, то именно так и следует поступать. Ограничение экспорта с помощью квотирования или экспортных пошлин, где это позволяет действующее законодательство, предпочтительнее расследований и применения запретов на монопольно высокую цену. Воздействие на ценовые пропорции и стимулы продавцов – особенно там, где его можно настроить как автоматически действующее, – лучше произвольных решений, которые только компрометируют инструменты конкурентной политики.

И конечно же, участие в формировании конкурентной политики группы стран БРИКС было и остается важной частью повестки. В мире с изменением профиля глобализации неожиданно могут оказаться востребованными не только новые экстравагантные предложения, но и вполне традиционные рекомендации, до сих пор отклика не находившие.

По-прежнему считаем актуальным вопрос об адекватной системе оценки результативности ФАС России как органа конкурентной политики. Оценка деятельности на основе не критериев типа «объем работы», а критериев типа «эффект работы» (конечных, а не непосредственных результатов, при понимании, что конечные результаты – не вынесенные решения, а влияние на рынки) не противоречит ни классическому «антитрасту из книжек», ни задачам противодействия санкционному давлению.

Список использованной литературы

1. Авдашева С. Б., Калинина М. М. Ценовые предписания и управление рисками компаний // Конкуренция и право. 2014. № 3. С. 39–44.
2. Авдашева С. Б., Цыцулина Д. В. Задачи и ограничения антимонопольного контроля регулирования тарифов // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 4. С. 27–46.

3. Авдашева С. Б., Цыцулина Д. В., Сидорова Е. Е. Применение ключевых показателей эффективности для ФАС России: анализ на основе статистики судебных решений // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 3. С. 7–34.
4. Авдашева С. Б., Шаститко А. Е. Конкурентная политика: состав, структура, система // Современная конкуренция. 2010. № 1 (19). С. 5–20.
5. Авдашева С. Б., Юсупова Г. Ф., Корнеева Д. В. Конкурентное законодательство в отношении цифровых платформ: между антитрастом и регулированием // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 3. С. 61–86. DOI: 10.17323/1999-5431-2022-0-3-61-86.
6. Волков А. Ю., Банникова (Сухорукова) К. А., Радченко Т. А. Инвестиции в локализацию и возможности для легализации параллельного импорта в России // Экономическая политика. 2019. Т. 14. № 1. С. 54–75. DOI: 10.18288/1994-5124-2019-1-54-75.
7. Голованова С. В. Доктрина ключевых мощностей в российской антимонопольной политике: основания и риски применения // Экономическая политика. 2013. № 3. С. 126–143.
8. Голованова С. В. Сигналы несовершенства конкуренции: результаты анализа цен товаров, вовлеченных в международную торговлю // Современная конкуренция. 2010. № 4 (22). С. 11–25.
9. Голованова С. В., Корнеева Д. В., Заяц С. А. Новые правила для конкурентной политики в отношении цифровых платформ: сравнительный анализ (Россия, США, Китай, ЕС) // Общественные науки и современность. 2023. № 5. С. 73–86. DOI: 10.31857/S0869049923050064.
10. Иванов А. Ю. Мифы о легальной монополии, или сказ о том, почему в России не развиваются инновации при упорной охране интеллектуальной собственности // Закон. 2020. № 2. С. 86–102.
11. Ионкина К. А., Курдин А. А. О рисках сосуществования биржевого и внебиржевого сегментов на товарных рынках // Управленец. 2023. Т. 14. № 5. С. 47–58. DOI: 10.29141/2218-5003-2023-14-5-4.
12. Коваленко А. И. Отказ от благосостояния потребителя при антитрасте цифровых платформ // Современная конкуренция. 2021. Т. 15. № 3. С. 97–105. DOI: 10.37791/2687-0657-2021-15-3-97-105.
13. Коваленко А. И. Технологические гиганты на цифровых рынках – результат провала регулятора // Современная конкуренция. 2020. Т. 14. № 4 (80). С. 5–24. DOI: 10.37791/1993-7598-2020-14-4-5-24.
14. Контрольно-надзорная и разрешительная деятельность в Российской Федерации. Аналитический доклад 2022 / С. М. Плаксин (рук. авт. кол.), И. А. Абузярова, Д. Р. Алимпеев [и др.]; Минэкономразвития России, РСПП, НИУ ВШЭ. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2023. – 202 с.
15. Курдин А. А., Коломиец А. Р. Биржевые рынки энергоресурсов в России: защита от шоков или монополий? // Современная конкуренция. 2022. Т. 16. № 2. С. 34–50. DOI: 10.37791/2687-0657-2022-16-2-34-50.
16. Питтмэн Р. Вертикальная реструктуризация инфраструктурных отраслей в странах с переходной экономикой // Экономическая школа: Аналитическое приложение. 2002. № 1. С. 7–39.
17. Практика антитраста и промышленной политики (По материалам круглого стола в рамках юбилейной конференции кафедры конкурентной и промышленной политики экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова) // Вопросы экономки. 2023. № 12. С. 141–153. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-12-141-153.
18. Радаев В. Время покажет? Среднесрочные эффекты применения Закона о торговле // Экономическая политика. 2014. № 5. С. 75–98.
19. Радаев В. Что изменил Закон о торговле: количественный анализ // Экономическая политика. 2012. № 1. С. 118–140.
20. Регламентированные закупки в России: как повысить стимулирующую роль расходов бюджетов и регулируемых компаний / под ред. С. Авдашевой // Госзаказ: управление, размещение, обеспечение. 2020. № 60. С. 28–61.

21. Ставнийчук А. Ю., Павлова, Н. С. Эффекты антитраста: уроки для доказательной политики // Вопросы экономики. 2023. № 5. С. 68–90. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-5-68-90.
22. Стенограмма семинара «Активизация применения конкурентного законодательства для преодоления отрицательных эффектов существенной рыночной власти в экосистемах цифровых платформ: альтернативные варианты, аргументы противоположных сторон» / Лаборатория конкурентной и антимонопольной политики Института анализа предприятий и рынков НИУ ВШЭ // Современная конкуренция. 2023. Т. 17. № 6. С. 112–127. DOI: 10.37791/2687-0657-2023-17-6-112-127.
23. Стенограмма семинара «Развитие антимонопольного законодательства в России: по пути достижений и заблуждений» / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» // Современная конкуренция. 2011. Т. 5. № 2. С. 9–31.
24. Цыганов А. Г., Павлова Н. С. Многофункциональные антимонопольные органы в мировой практике: преимущества и риски // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 4. С. 29–50. DOI: 10.2139/ssrn.2932105.
25. Цыцулина Д. В. Может ли индикативное регулирование цен заменять либерализацию внешней торговли на высококонцентрированных экспортных рынках? // Экономическая политика. 2015. № 10 (3). С. 155–179.
26. Шаститко А. Е. Конкуренция и антимонопольная политика в неоавстрийской теории // Экономическая политика. 2008. № 2. С. 107–126.
27. Шаститко А. Е. Отменить нельзя развивать // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 41–53.
28. Шаститко А. Е. Правило взвешенного подхода в контексте административной реформы и дерегулирования экономики: монография. – М.: ТЕИС, 2005. – 42 с.
29. Шаститко А. Е., Ионкина К. А. Химера отечественного антитраста: институт коллективного доминирования в России // Вопросы экономики. 2021. № 7. С. 68–88. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-7-68-88.
30. Шаститко А., Голованова С., Крючкова П., Курдин А., Новиков В., Овчинников М., Павлова Н. Последствия слабой конкуренции: количественные оценки и выводы для политики (Экспертно-аналитический доклад РАНХиГС) // Экономическая политика. 2012. № 6. С. 5–53.
31. Шаститко А. Е., Павлова Н. С. Антитраст в условиях двусторонней монополии // Вопросы экономики. 2017. № 8. С. 75–91. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-8-75-91.
32. Armentano D. T. Antitrust Policy: The Case for Repeal. – Washington D. C.: Cato Institute, 2001. – 112 p.
33. Avdasheva S. Models of monopoly in the quarter-century development of Russian competition policy: Understanding competition analysis in the abuse of dominance investigations // Competition Law Enforcement in the BRICS and in Developing Countries: Legal and Economic Aspects. 2016. P. 239–262. DOI: 10.1007/978-3-319-30948-4_10.
34. Avdasheva S., Golovanova S., Katsoulacos Y. The impact of performance measurement on the selection of enforcement targets by competition authorities: The Russian experience in an international context // Public Performance & Management Review. 2019. Vol. 42. No. 2. P. 329–356. DOI: 10.1080/15309576.2018.1441036.
35. Avdasheva S., Golovanova S., Shastitko A. The contribution of BRICS to the international competition policy regime. – In: Global Governance in Transformation: Challenges for International Cooperation. – Springer, 2020. P. 241–259.
36. Avdasheva S., Kryuchkova P. The 'reactive' model of antitrust enforcement: When private interests dictate enforcement actions – The Russian case // International Review of Law and Economics. 2015. Vol. 43. P. 200–208. DOI: 10.1016/j.irl.2014.04.003.
37. Connor J. M., Lande R. H. The Prevalence and Injuriousness of Cartels Worldwide. – In: Elgar Research Handbook on Cartels / ed. by P. Whelan. – UK, Edward Elgar Publishing Ltd, 2023. P. 1–23. DOI: 10.4337/9781839102875.00010.

38. *Crandall R. W., Winston C.* Does antitrust Policy Improve Consumer Welfare? Assessing the Evidence // *Journal of Economic Perspectives*. 2002. Vol. 17. No. 4. P. 3–26. DOI: 10.1257/089533003772034871.
39. *Earle J. S., Estrin S.* Privatization, Competition, and Budget Constraints: Disciplining Enterprises in Russia // *Economics of Planning*. 2003. Vol. 36. P. 1–22. DOI: 10.1023/B:ECOP.0000005749.89697.13.
40. *Golovanova S., Pontual Ribeiro E.* Multisided Platform Analysis and Competition Law Enforcement Practice in Brics Countries // *Journal of Competition Law & Economics*. 2022. Vol. 18. No. 3. P. 730–769. DOI: 10.1093/joclec/nhab027.
41. *Gort M., Sung N.* Competition and Productivity Growth: The Case of the US Telephone Industry // *Economic Inquiry*. 1999. Vol. 37. No. 4. P. 678–691. DOI: 10.1111/j.1465-7295.1999.tb01456.x.
42. *Jenny F.* The Institutional Design of Competition Authorities: Debates And Trends. – In: *Competition Law Enforcement in the BRICS and in Developing Countries*. – Springer International Publishing, 2016. P. 1–57. DOI: 10.1007/978-3-319-30948-4_1.
43. *Jones A., Kovacic W. E.* Antitrust's Implementation Blind Side: Challenges to Major Expansion of US Competition Policy // *The Antitrust Bulletin*. 2020. Vol. 65. No. 2. P. 227–255. DOI: 10.1177/0003603X20912884.
44. *Motta M.* Self-preferencing and Foreclosure in Digital Markets: Theories of Harm for Abuse Cases // *International Journal of Industrial Organization*. 2023. Vol. 90. Article 102974. DOI: 10.1016/j.ijindorg.2023.102974.
45. *Nickell S. J.* Competition and corporate Performance // *Journal of Political Economy*. 1996. Vol. 104. No. 4. P. 724–746. DOI: 10.1086/262040.
46. *Radaev V.* A Rise of State Activism in a Competitive Industry: The Case of Russian retail Trade Law of 2009 // *Communist and Post-Communist Studies*. 2018. Vol. 51. No. 1. P. 27–37. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2018.01.001.
47. *Remington T. F., Qian J., Avdasheva S.* Regulating Competition in the Digital Platform Economy: Russia and China Compared // *Problems of Post-Communism*. 2024. Vol. 71. No. 1. P. 13–25. DOI: 10.1080/10758216.2022.2117199.
48. *Roberts S.* Assessing Excessive Pricing: The Case of Flat Steel in South Africa // *Journal of Competition Law and Economics*. 2008. Vol. 4. No. 3. P. 871–891. DOI: 10.1093/joclec/nhn005.
49. *Schmalensee R.* Inter-industry Studies of Structure and Performance. – In: *Handbook of Industrial Organization*. 1989. Vol. 2. P. 951–1009. DOI: 10.1016/S1573-448X(89)02004-2.

Сведения об авторе

Авдашева Светлана Борисовна, ORCID 0000-0002-0896-9217, докт. экон. наук, профессор, департамент прикладной экономики, Институт анализа предприятий и рынков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, avdash@hse.ru

Поддержка исследований

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Статья поступила 16.02.2024, рассмотрена 22.02.2024, принята 25.02.2024

References

1. Avdasheva S. B., Kalinina M. M. *Tsenovye predpisaniya i upravlenie riskami kompanii* [Price Regulations and Company Risk Management]. *Konkurencija i parvo*, 2014, no.3, pp.39-44.
2. Avdasheva S. B., Tsytulina D. V. Antimonopoly Control of tariff Regulation: Objectives and Drawbacks. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija*=Public Administration Issues, 2014, no.4, pp.27-46 (in Russian).

3. Avdasheva S. B., Tsytulina D. V., Sidorova E. E. The Use of Key Performance Indicators for the FAS: Analysis Based on the Statistics of Adjudications. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*=Public Administration Issues, 2015, no.3, pp.7-34 (in Russian).
4. Avdasheva S. B., Shastitko A. E. Competition Policy: Composition, Structure, System. *Sovremennaya konkurentsia*=Journal of Modern Competition, 2010, no.1(19), pp.5-20 (in Russian).
5. Avdasheva S. B., Yusupova G. F., Korneeva D. V. Competition Legislation Towards Digital Platforms: Choice Between Antitrust and Regulation. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*=Public Administration Issues, 2022, no.3, pp.61-86 (in Russian). DOI: 10.17323/1999-5431-2022-0-3-61-86.
6. Volkov A. Yu., Bannikova (Sukhorukova) K. A., Radchenko T. A. Localization Investment and Opportunities for Legalization of Parallel Import in Russia. *Ekonomicheskaya politika*=Economic Policy, 2019, vol.14, no.1, pp.54-75 (in Russian). DOI: 10.18288/1994-5124-2019-1-54-75.
7. Golovanova S. V. The Doctrine of Key Facilities in the Russian Anti-Monopoly Policy: Basic Factors and Risks of Using (in Russian). *Ekonomicheskaya politika*=Economic Policy, 2013, no.3, pp.126-143 (in Russian).
8. Golovanova S. V. Imperfect Competition Signs: Results of Analysis of Prices of Internationally Traded Goods. *Sovremennaya konkurentsia*=Journal of Modern Competition, 2010, no.4(22), pp.11-25 (in Russian).
9. Golovanova S. V., Korneeva D. V., Zajac S. A. New Guidelines for Digital Platform Competition Policy: A Comparative Analysis (Russia, USA, China, EU). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*=Social Sciences and Contemporary World, 2023, no.5, pp.73-86 (in Russian). DOI: 10.31857/S0869049923050064.
10. Ivanov A. Yu. Myths of Legal Monopoly, or Why Russia Doesn't Innovate Despite a Relentless Intellectual Property Protection Regime. *Zakon*, 2020, no.2, pp.86-102 (in Russian).
11. Ionkina K. A., Kurdin A. A. On the Coexistence of On-exchange and OTC Segments in Commodity Markets. *Upravlenets*=The Manager, 2023, vol.14, no.5, pp.47-58 (in Russian). DOI: 10.29141/2218-5003-2023-14-5-4.
12. Kovalenko A. Moving Away from Consumer Welfare in the Antitrust of Digital Platforms. *Sovremennaya konkurentsia*=Journal of Modern Competition, 2021, vol.15, no.3, pp.97-105 (in Russian). DOI: 10.37791/2687-0657-2021-15-3-97-105.
13. Kovalenko A. I. Technological Giants on Digital Markets as a Result of a Regulator Failure. *Sovremennaya konkurentsia*=Journal of Modern Competition, 2020, vol.14, no.4(80), pp.5-24 (in Russian). DOI: 10.37791/1993-7598-2020-14-4-5-24.
14. *Kontrol'no-nadzornaya i razreshitel'naya deyatel'nost' v Rossiiskoi Federatsii. Analiticheskii doklad 2022* [Control, supervision and permitting activities in the Russian Federation. Analytical report 2022]. S. M. Plaksin (head of editorial team), I. A. Abuzyarova, D. R. Alimpeev [et. al]; Ministry of Economic Development of Russia, RSPP, National Research University Higher School of Economics. Moscow, HSE University Publ., 2023, 202 p.
15. Kurdin A., Kolomiets A. Energy Commodity Exchanges in Russia: Protection against Shocks or Monopolies? *Sovremennaya konkurentsia*=Journal of Modern Competition, 2022, vol.16, no.2, pp.34-50 (in Russian). DOI: 10.37791/2687-0649-2022-16-2-34-50.
16. Pittmen R. *Vertikal'naya restrukturalizatsiya infrastrukturykh otraslei v stranakh s perekhodnoi ekonomikoi* [Vertical Restructuring of Infrastructure Industries in Countries with Economies in Transition]. *Ekonomicheskaya shkola: Analiticheskoe prilozhenie*, 2002, no.1, pp.7-39.
17. Practice of Antitrust and Industrial Policy (Proceedings of the Round Table Discussion at the Anniversary Conference of the Chair of Competition and Industrial Policy of the Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University). *Voprosy Ekonomiki*, 2023, no.12, pp.141-153 (in Russian). DOI: 10.32609/0042-8736-2023-12-141-153.
18. Radaev V. V. Would Time Show? The Mid-Term Effects of the Trade Law. *Ekonomicheskaya politika*=Economic Policy, 2014, no.5, pp.75-98 (in Russian).

19. Radaev V. V. Are There Any Changes Brought by the Trade Law: An Analysis of Quantitative Data. *Ekonomicheskaya politika*=Economic Policy, 2012, no.1, pp.118-140 (in Russian).
20. *Reglamentirovannye zakupki v Rossii: kak povysit' stimuliruyushchuyu rol' raskhodov byudzhetrov i reguliruemyykh kompanii* [Regulated procurement in Russia: how to increase the stimulating role of expenditures of budgets and regulated companies]. Ed. by S. B. Avdasheva. *Goszakaz: upravlenie, razmeshchenie, obespechenie*, 2020, no.60, pp.28-61.
21. Stavniychuk A. Yu., Pavlova N. S. Antitrust's Effects: Lessons for Evidence-based Policy. *Voprosy Ekonomiki*, 2023, no.5, pp.68-90 (in Russian). DOI: 10.32609/0042-8736-2023-5-68-90.
22. Transcript of the Seminar "Increasing Enforcement to Deal with Negative Consequences of Significant Market Power in Digital Ecosystems: Alternatives, Pros and Cons, Counterarguments". Laboratory of Competition and Antimonopoly Policy, Institute of Industrial and Market Studies HSE University. *Sovremennaya konkurentsia*=Journal of Modern Competition, 2023, vol.17, no.6, pp.112-127 (in Russian). DOI: 10.37791/2687-0657-2023-17-6-112-127.
23. *Stenogramma seminarov «Razvitie antimonopol'nogo zakonodatel'stva v Rossii: po puti dostizhenii i zabluzhdenii»* [Transcript of the Seminar "Development of Antimonopoly Legislation in Russia: Along the Path of Achievements and Misconceptions"]. National Research University Higher School of Economics. *Sovremennaya konkurentsia*=Journal of Modern Competition, 2011, vol.15, no.2, pp.9-31.
24. Tsyganov A. G., Pavlova N. S. Multifunctional Competition Authorities in World Practice: Benefits and Risks. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*=Public Administration Issues, 2017, no.4, pp.29-50 (in Russian). DOI: 10.2139/ssrn.2932105.
25. Tsytulina D. V. Does Indicative Price Regulation Substitute Trade Liberalization in Concentrated Export-oriented Markets? *Ekonomicheskaya politika*=Economic Policy, 2015, no.10(3), pp.155-179 (in Russian).
26. Shastitko A. E. Competition and Antitrust Policy in Neoaustrian Theory. *Ekonomicheskaya politika*=Economic Policy, 2008, no.2, pp.107-126 (in Russian).
27. Shastitko A.E. *Otmenit' nel'zja razvivat'* [Undo cannot be developed]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2012, no.5, pp.41-53.
28. Shastitko A. E. *Pravilo vzheshennogo podhoda v kontekste administrativnoy reformy i deregulirovaniya jekonomiki* [Rule of a Measured Approach in the Context of Administrative Reform and Economic Deregulation]. Moscow, TEIS Publ., 2005, 42 p.
29. Shastitko A. E., Ionkina K. A. Chimera of Domestic Antitrust: Institution of Collective Dominance in Russia. *Voprosy Ekonomiki*, 2021, no.7, pp.68-88 (in Russian). DOI: 10.32609/0042-8736-2021-7-68-88.
30. Shastitko A., Golovanova S., Krjuchkova P., Kurdin A., Novikov V., Ovchinnikov M., Pavlova N. The Consequences of Weak Competition: Quantitative Evaluation and Policy Implications (Think Tank Report). *Ekonomicheskaya politika*=Economic Policy, 2012, no.6, pp.5-53 (in Russian).
31. Shastitko A. E., Pavlova N. S. Antitrust in Bilateral Monopoly. *Voprosy Ekonomiki*, 2017, no.8, pp.75-91 (in Russian). DOI: 10.32609/0042-8736-2017-8-75-91.
32. Armentano D. T. Antitrust Policy: The Case for Repeal. Washington D. C., Cato Institute, 2001, 112 p.
33. Avdasheva S. Models of Monopoly in the Quarter-century Development of Russian Competition Policy: Understanding Competition Analysis in the Abuse of Dominance Investigations. Competition Law Enforcement in the BRICS and in Developing Countries: Legal and Economic Aspects, 2016, pp.239-262. DOI: 10.1007/978-3-319-30948-4_10.
34. Avdasheva S., Golovanova S., Katsoulacos Y. The Impact of Performance Measurement on the Selection of Enforcement Targets by Competition Authorities: The Russian Experience in an International Context. *Public Performance & Management Review*, 2019, vol.42, no.2, pp.329-356. DOI: 10.1080/15309576.2018.1441036.
35. Avdasheva S., Golovanova S., Shastitko A. The Contribution of BRICS to the International Competition Policy Regime. In: *Global Governance in Transformation: Challenges for International Cooperation*. Springer, 2020, pp.241-259.

36. Avdasheva S., Kryuchkova P. The 'Reactive' Model of antitrust enforcement: When Private Interests Dictate Enforcement Actions – The Russian Case. *International Review of Law and Economics*, 2015, vol.43, pp.200-208. DOI: 10.1016/j.irl.2014.04.003.
37. Connor J. M., Lande R. H. The Prevalence and Injuriousness of Cartels Worldwide. In: *Elgar Research Handbook on Cartels* / ed. by P. Whelan. UK, Edward Elgar Publishing Ltd, 2023, pp.1-23. DOI: 10.4337/9781839102875.00010.
38. Crandall R. W., Winston C. Does Antitrust Policy Improve Consumer Welfare? Assessing the Evidence. *Journal of Economic Perspectives*, 2002, vol.17, no.4, pp.3-26. DOI: 10.1257/089533003772034871.
39. Earle J. S., Estrin S. Privatization, Competition, and Budget Constraints: Disciplining Enterprises in Russia. *Economics of Planning*, 2003, vol.36, pp.1-22. DOI: 10.1023/B:ECOP.0000005749.89697.13.
40. Golovanova S., Pontual Ribeiro E. Multisided Platform Analysis and Competition Law Enforcement Practice in Brics Countries. *Journal of Competition Law & Economics*, 2022, vol.18, no.3, pp.730-769. DOI: 10.1093/joclec/nhab027.
41. Gort M., Sung N. Competition and Productivity Growth: The case of the US Telephone Industry. *Economic Inquiry*, 1999, vol.37, no.4, pp.678-691. DOI: 10.1111/j.1465-7295.1999.tb01456.x.
42. Jenny F. The Institutional Design of Competition Authorities: Debates and Trends. In: *Competition Law Enforcement in the BRICS and in Developing Countries*. Springer International Publishing, 2016, pp.1-57. DOI: 10.1007/978-3-319-30948-4_1.
43. Jones A., Kovacic W. E. Antitrust's Implementation Blind Side: Challenges to Major Expansion of US Competition Policy. *The Antitrust Bulletin*, 2020, vol.65, no.2, pp.227-255. DOI: 10.1177/0003603X20912884.
44. Motta M. Self-preferencing and Foreclosure in digital Markets: Theories of Harm for Abuse Cases. *International Journal of Industrial Organization*, 2023, vol.90, article 102974. DOI: 10.1016/j.ijindorg.2023.102974.
45. Nickell S. J. Competition and Corporate Performance. *Journal of Political Economy*, 1996, vol.104, no.4, pp.724-746. DOI: 10.1086/262040.
46. Radaev V. A Rise of State Activism in a Competitive Industry: The Case of Russian Retail Trade Law of 2009. *Communist and Post-Communist Studies*, 2018, vol.51, no.1, pp.27-37. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2018.01.001.
47. Remington T. F., Qian J., Avdasheva S. Regulating Competition in the Digital Platform Economy: Russia and China Compared. *Problems of Post-Communism*, 2024, vol.71, no.1, pp.13-25. DOI: 10.1080/10758216.2022.2117199.
48. Roberts S. Assessing Excessive Pricing: The Case of Flat Steel in South Africa. *Journal of Competition Law and Economics*, 2008, vol.4, no.3, pp.871-891. DOI: 10.1093/joclec/nhn005.
49. Schmalensee R. Inter-industry Studies of Structure and Performance. In: *Handbook of Industrial Organization*, 1989, vol.2, pp.951-1009. DOI: 10.1016/S1573-448X(89)02004-2.

About the author

Svetlana B. Avdasheva, ORCID 0000-0002-0896-9217, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Applied Economics Department, Institute of Industrial and Market Studies, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, avdash@hse.ru

Research Support

This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

Received 16.02.2024, reviewed 22.02.2024, accepted 25.02.2024